

**Л. Чарская**

# **Лишний рот**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Ч-22

**Чарская Л.А.**  
Ч-22 Лишний рот / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2024. – 42 с.

**ISBN 978-5-4241-3418-0**

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная Воронова, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

**ISBN 978-5-4241-3418-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024  
© Л.А. Чарская, 2024

Лидия Чарская  
Лишний рот





## Глава первая

Отец Паисий, священник бедного пригородного слободского прихода, только что закончил свою вечернюю молитву и, сбросив с себя подрясник, готовился лечь в постель, как неожиданный стук в дверь заставил его вздрогнуть и насто-рожиться.

Стучали в сених. Был двенадцатый час ночи, и поздний посетитель не мог не удивить отца Паисия. На улице стояла непроглядная январская вьюга, крутила метель, залепляя редкие слободские фонари, и нестерпимо жутко выл-завывал ветер. Отец Паисий снова запахнул на себе сброшенный было подрясник и то-ропливо прошел в сени.

— Кто тут? — повышая голос, бросил он в темноту.

— Батюшка, до вашей милости пришли. Не откажите прийти напутствовать умирающую. На ладан дышит, необходимо поисповедать, причастить и отходную прочитать над нею. Помрет к утру, по всей вероятности, — глухо звучал как будто знакомый батюшке голос за дверью.

— Кто умирает-то? — осведомился священник, снимая тяжелый крик у входа и пропуская позднего гостя в сени.

— Да бобылка слободская, здешняя... Муж-то давно помер, а она на здешних наших пригородниц портняжила. Дюже захворала бедняга. Соседи мы, я баш-мачник Иванов, коли милость ваша, отец Паисий, признать изволите, — вашего прихода тоже; так не откажите к Федосьевне, Христа ради, пройти...

— Хорошо, хорошо, пройду. Господь в своей милости никому отказывать не станет... А нам, грешным, и подавно воле его следовать должно. Что на улице-то крутит, голубчик? — спросил батюшка.

— И-и, как крутит, отец Паисий. Прямо-таки зги не видать. Фонарь-то нелишне прихватить будет вашей милости, уличные то и дело от ветра гаснут... Страсть разыгралась как непогодушка нынче.

— Ладно, ладно, и фонарь возьмем, — откуда-то уже из дальней комнаты долетел сюда голос батюшки. А минут через десять из домика священника, на-ходившегося близ кладбища, около деревянной скромной церкви, вышли две темные фигуры и замаячили среди метели по слободской улице. Впереди шел с фонарем в руках сапожник Иванов, позади его отец Паисий, держа одной рукою дароносицу и серебряный крест и Евангелие для исповеди, завернутые в епитра-хиль, другою то и дело запахивая верхнюю одежду.

Ветер рвал нестерпимо и валил с ног путников. Вьюга залепляла им глаза. Метель свистела в уши. С трудом миновали широкую улицу и вышли на площадь, где приезжие окрестные крестьяне торговали сельскими продуктами в базарные дни. Отсюда свернули в переулок, где тоже бушевал ветер и хозяйничала разо-злившаяся вьюга. Около покосившегося домика с двумя крохотными оконцами и оторванной ветром вывеской, надпись на которой менее всего можно было рассмотреть сейчас, сапожник остановился:

— Вот сюда пожалуйте, батюшка. Да поостерегитесь, ступеньки у них под-гнили, того и гляди, провалятся, — предупредил он и, поддерживая под локоть священника, помог ему взойти на крыльцо.

Уже в сених отца Паисия встретил запах лекарств и то неуловимое, сопровож-

дающее присутствие тяжело больного в доме настроение, которое определить словами нельзя и которое можно только прочувствовать. Бледная полоска света, игравшая под недоходящими до пола дверями, помогла пришедшим найти и самую дверь. Сапожник пошел первый, за ним проследовал батюшка. В комнате, освещенной огарком, находилось несколько женщин. Они о чем-то усиленно совещались, чуть приниженными голосами, окружая постель, или, вернее, нечто похожее на постель — состоящую из жесткой широкой лавки, с брошенной на нее подушкой и каким-то грязным тряпьем, заменяющим матрац. На этом тряпье лежала худая, как скелет, желтая женщина с изможденным лицом и глубоко ушедшими в орбиты глазами. Она тяжело дышала широко раскрытым, запекшимся ртом. Искаженное лицо ее выражало нестерпимое физическое страдание, казалось, глаза ее смотрели, уже ничего не видя... С глухим хрипом поднималась и опускалась ее впалая грудь.

При виде вошедшего священника женщины засуетились и заметались по комнате.

— Батюшка пожаловал... Слышь, Федосьевна, исповедаться бы да Св. Тайн приобщиться тебе, — наклоняясь к самому уху больной, произнесла старая слобожанка, за которой давно укрепилась репутация ученой лекарки-знахарки за то, что она лечила своими собственными примитивными средствами слобожан.

Но больная на заявление лекарки ни словом, ни движением не дала понять, что слышала ее. Глаза Федосьевны, пустые и жуткие, по-прежнему ничего не выражали, а рот продолжал с хрипом выбрасывать дыхание.

— Никак кончается? — выразила предположение лекарка. — Батюшки, отец Паисий, поспешите отходную читать.

Священник приблизился к иконе, чтобы совершить последний обряд над умирающей. Отысповедовал глухою исповедью больную и, раскрыв над головою ее требник, засветил тоненькую восковую свечу и начал читать отходную.

Не успел закончить молитвы отец Паисий, как что-то бурно заколотало в груди больной и на губах ее выступила кровавая пена. Все тело умирающей дрогнуло, и Федосьевны не стало. Душа ее отошла в лучший мир. Отец Паисий медленно осенил крестом умершую, дочитал над нею молитву и стал снова заворачивать крест и требник в епитрахиль. Вокруг с громкими причитаниями суетились женщины. Кто-то всхлипывал, кто-то плаксивым, нарочито жалобным голосом причитывал, жалея какого-то сироту. Неожиданно широко распахнулась дверь из сеней и в горницу стремительно вбежал мальчик лет двенадцати. Часто, через несколько месяцев спустя, отец Паисий, рассказывая об этом случае, добавлял, что никогда не забыть ему того отчаянного, безнадежного крика: «Мама!», — каким огласил комнату ребенок, не забыть и того ужаса, который отразился на его худеньком, бледном лице.

Это был Вася, единственный сын покойницы. С тем же раздирающим душу воплем Вася бросился к матери, обхватил ее начинавшее уже холодеть тело, прижался лицом к ее груди и так и застыл без слов, без движений. Женщины замолкли сразу, подавленные видом этого безысходного чужого страдания.

Отец Паисий, направлявшийся было в сени, приостановился и тоже не отрывал глаз с обезумевшего от горя мальчика.

— Один, как есть один, сиротинкою круглым остался на свете, — произнесла сочувствующим голосом слободская знахарка. — А как Федосьевна-то его жа-

лела, болезная! Ведь единственной утехой он рос у нее...

— Куда же теперь денется мальчик? Есть у него близкие, родственники? — осведомился священник.

— Какое, батюшка! Ведь приезжие они, и сказывают люди, никого-то у них: ни только что близких, но и дальних на свете нет. Совсем на улице очутился бедный. Жаль до слез парнишку. Да ничего не поделаешь. Противу господя не пойдешь. Он, батюшка милостивый, ведаёт лучше нас, грешных, что нам определено. А все же кабы не были мы сами в нужде да в лишениях, каждая бы из нас с охотой мальчика-сиротинушку к себе в дом приняла. Уж больно тихий да добрый парнишка и услужливый, да вежливый такой... — говорила женщина, утирая кончиком шейного платка мокрые от слез глаза. Она казалась вполне искренней в своем участии. Отец Паисий перевел с нее глаза на Васю. Теперь он уже не лежал ничком на груди матери. Его бледное, перекошенное судорогой страдания личико было все орошено слезами, — безутешными слезами высшего человеческого отчаяния, с которым, казалось, не сравнится никакое другое горе. Большие серые глаза мальчика, полные слез, с мучительным недоумением впились в восковое лицо умершей.

— Зачем? Зачем ты ушла от меня, мама? — казалось, спрашивал этот взгляд, и худенькие рученьки все крепче и крепче сжимались у груди мальчика.

Невыразимое чувство жалости обожгло душу отца Паисия. Картина этого неподдельного, покорного, безропотного горя всколыхнула его. На глазах самого священника выступили слезы. Он тихо приблизился к мальчику, положил ему руку на плечо и, наклонившись к его лицу, проговорил:

— Тяжелый крест посылает тебе господь, дитя мое, но надо нести его безропотно... Видно, испытание тебе дает он, наш творец милосердный. Выплачься, мальчик, не сдерживай своего горя, а там молиться будем вместе за упокой души твоей матери. Плачь, дитятко, плачь, в слезах легче переносится горе.

Но Вася уже не слышал добрых, сочувственных слов отца Паисия. Он снова упал на грудь матери головою, и все его худенькое тело сотрясало теперь от неудержимых рыданий.

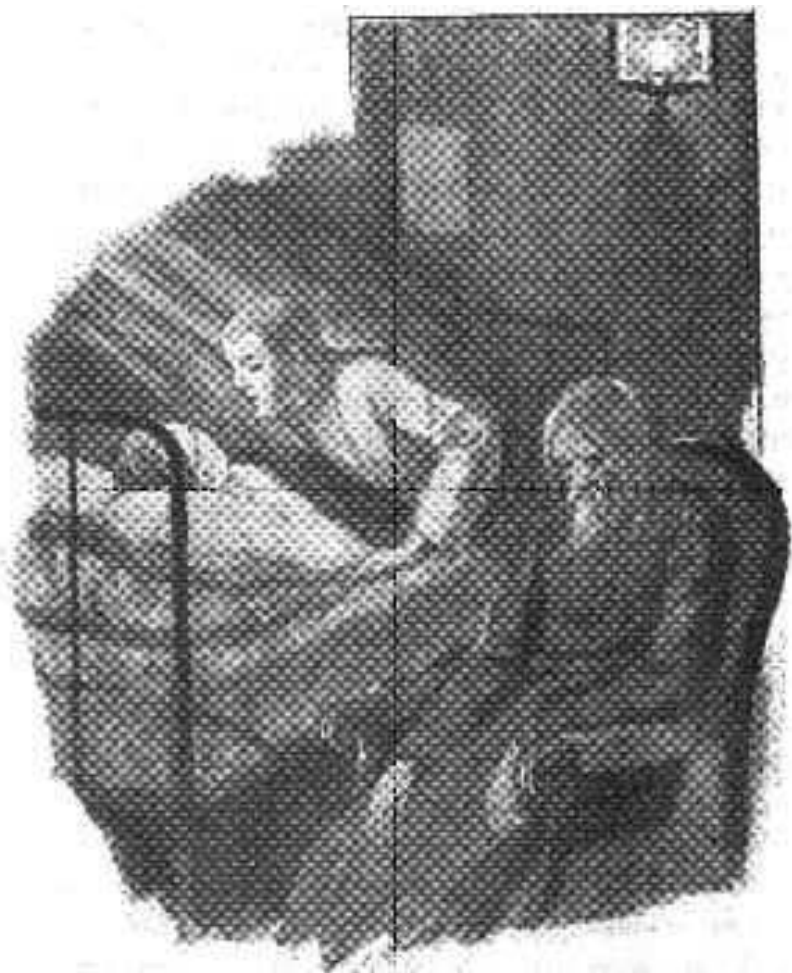
Получасом позднее отец Паисий шел обратно к церковному домику, предшествуемый башмачником, несшим фонарь. Он вел за руку Васю. Еще там, в домике покойной Федосьевны, священник решил взять к себе в дом сироту. Когда он объявил об этом Васе, мальчик безучастно взглянул ему в лицо своими грустными глазками и не произнес ни одного слова. Смерть матери сразила ребенка. Теперь он машинально шагал по улице подле своего неожиданного благодетеля и думал все одну и ту же неотвязную думу: «Мама умерла... умерла моя мама... Что я буду без нее делать теперь?.. Как мне жить без родимой!» И тут же до мельчайших подробностей припоминалась ему мать, не сегодняшняя холодная, молчаливая покойница, а та, живая, несказанно дорогая, которая ласково проводила по лицу Васи своей исколотой иглою рукой, которая называла своим «соколикком» и «голубчиком» его, Васю, и так нежно заботилась о нем всегда. Вспоминались ему их долгие-долгие вечера, когда мать, стуча машинкой, шила бесконечные юбки и кофты на слободских франтих, а он, Вася, готовил уроки к следующему дню или читал матери что-нибудь божественное. Учился он в слободском училище вот уже два года и очень старательно готовил свои уроки. А потом, покончив с ними, долго беседовал с матерью. Вася рассказывал ей о

своих занятиях в училище, о товарищах и учителях, а Федосьевна внимательно слушала, стараясь не пропустить ни единого слова своего любимца. По праздникам мать и сын всегда вместе отправлялись в церковь. Возвращались они оттуда торжественные, радостные, примиренные с нуждою, ели свой более чем скромный обед, потом шли вместе гулять за пределы большого огорода, за слободскую черту, подальше от людей и шума их суетливой жизни. Мать рассказывала Васе об отце, которого мальчик мало помнил. Иногда делилась с сыном своими надеждами на лучшее будущее, мечтала вслух о том времени, когда дела их поправятся немного, когда излишек работы даст, наконец, возможность выбраться из когтей острой нужды и они с Васей заживут мало-мальски сносной жизнью. И вот вместо этих радостных надежд — смерть, разрушившая все, раздавившая счастье Васи, отнявшая у него мать, единственную радость и опору его жизни. Как неожиданно, как жутко подкралась она! Как нелепо обрушилась со своею страшною косою на их крошечную семью! Ведь еще недавно, неделю тому назад, мать была здорова, хотя и худа и слаба неизмеримо. Все-таки же двигалась она, говорила, ласкала Васю. А теперь так далека стала она ему, так ужасно далека!..

И теперь уже выплыл в воображении мальчика другой, новый образ матери, матери покойницы, матери — умершей, которую он оставил сейчас в углу под образом своего убогого жилища.

Завтра он вернется к ней вместе с батюшкой отслужить панихиду, но она уже не встретит его своей обычной ласковой улыбкой, своим добрым, любящим взглядом или участливым, полным тепла и нежности словом.

И опять глухие рыдания заклокотали в груди мальчика, и снова весь затрепетал Вася от охватившего его острого порыва горя...



## Глава вторая

— Вот вам новый товарищ, ребятишки... Обижать его мне не смей... Он, бедняжка, мать потерял только что. Сирота круглый. Утешьте его, как можете. Господь бог указал нам жалеть и любить сирот. — И, говоря это, отец Паисий тихонько толкнул вперед Васю в сторону толпившихся у чайного стола детей.

После вчерашней метели погода совершенно неожиданно изменилась к лучшему. Солнышко весело заглядывало в скромные горницы церковного дома. Было светло и уютно в небольшой столовой, где весело пыхтел пузатый самовар и оживленно шушукались о чем-то дети. Их было семь человек. Старший, гимназист Митинька, худенький, с вытянутым лицом и чернильными пятнами на пальцах, четырнадцатилетний подросток, за ним двенадцатилетний Кирия, тоже гимназистик, белокурый, плотный, с задорными огоньками в серых бойких глазах мальчуган, одиннадцатилетняя Майя, бойкая, живая девочка с пронырливой, хитренькой мордочкой лисички, и девятилетняя Люба, бледная, худенькая с задумчивыми глазами девочка. Затем шло еще трое малышей: Шура и Нюра, две девочки-погодки шести и пяти лет и хорошенький трехлетний карапузик Леша. За самоваром сидела сестра покойной жены отца Паисия, девица лет сорока пяти с неопределенного цвета жидкими волосами и желчным, недовольным выражением кислого лица, — Лукерья Демьяновна.

Вася, приведенный сюда поздно ночью накануне отцом Паисием и не встретивший за поздним временем никого из членов семьи, теперь, в восемь часов утра, нашел всю семью в сборе за утренним чаем.

Мальчик, не сомкнувший ни на одну минуту глаз за всю эту ночь и проворочавшийся до утра на узком, клеенчатом диване в комнате своего благодетеля, теперь едва держался от слабости на ногах. А между тем восемь пар глаз были устремлены на него с самым жадным любопытством. Он весь вспыхнул под этими настойчиво разглядывавшими его как диковинную зверюшку взглядами, весь съежился и не знал, куда девать руки и ноги.

— Ну вот, садись, мальчик, выпей чаю с молоком и с ситным... Подкрепись хорошенько, а потом пойдем панихидку отслужить по твоей матери. Завтра ее хоронить будем. Надо, чтобы честь-честью все было, как у людей... Да ты садись, не смущайся, никто тебя у нас не обидит. Митинька, ты старший, возьми его под свою защиту, тебе его поручаю, — и, говоря это, отец Паисий усадил Васю, подставил ему только что налитый Лукерьей Демьяновной стакан горячего чаю и, взяв из сухарницы большой ломоть ситного, положил его перед мальчиком.

Дети, повскакивавшие было с мест при появлении гостя, снова расселись вокруг стола.

— Что же он, жить будет с нами, папаша? — осведомился басом четырнадцатилетний Митинька, давно уже считавший себя взрослым, самостоятельным человеком.

— Да. Авось в тягость не будет. Мальчик славный и почтительный. Все его знают в слободе. Деться ему некуда. Нас не объест пока что, а там — посмотрим.

— Вот нужда была такую обузу на плечи себе взваливать, — забормотала себе под нос Лукерья Демьяновна, — своих у нас ртов мало, что ли, забот да хлопот и без него найдется. Уж больно вы милостливы, братец. — И маленькие

глазки старой девицы окинули Васю недружелюбным взглядом.

Отец Паисий с укором взглянул на свояченицу.

— Полноте, сестрица, — заговорил он миролюбиво, — полноте бога гневить, все мы, слава тебе, господи, сыты, одеты и обуты, а где восемь-девять душ убоготорены, там убоготорится и десятая. Не объест наших птенцов чужой птенец, пришлый. Ведь сирота он круглый: ни отца, ни матери, пожалеть его надо.

— И-и, всех-то сирот не пережалеешь, братец! — фыркнула свояченица. — Вот поглядите-ка лучше, у Любы платье-то все в заплатках, девчонки в школе смеются, а у Кири сапоги давно каши просят.

— У меня, папаша, действительно сапоги того... проголодались, — с шаловливыми искорками в бойких глазах заявил Киря.

— Ну-ну, хорошо, и платье Любаше и сапоги Кире будут... Все будет, дайте срок справиться, — как-то виновато, застенчиво произнес отец Паисий. И снова обратился к своему соседу Васе: — Ну-ну, мальчик, пей чай. Горе-то горем, а и подкрепиться следует. Силы-то молодые, хрупкие, их пожалеть надо.

— Другие-то священники, — забубнила снова своим неприятным шипящим голосом Лукерья Демьяновна, — в дом несут, а вы, братец, норовите блюсти чужой интерес больше собственного. Вон сколько помогаете: венчаеете, да хороните, да крестите даром... А что толку, уважения вам от того больше разве? А сейчас-то лишний рот в семью навязали, подумаешь тоже — доходно как! Провизия-то нынче — ни приступись, дорого как! Намедни мясо на базаре на две копейки на фунт вздорожало, а вы...

— Довольно, довольно, уши вянут слушать, что вы говорите, сестрица. Пойдем к покойнице, Василий! — решительно заявил отец Паисий мальчику, который через силу проглотил кусок ситного и запил его чаем.

Мальчик, испуганный и встревоженный только что слышанным разговором, стремительно вскочил с места и, не поднимая глаз, бросился следом за отцом Паисием к двери.

— Поблагодарить за чай не мешало бы, — прошипела ему вслед Лукерья Демьяновна, — вот деревенщина-то, простого приличия не знает, — добавила она, рассерженная вконец на Васю за то, что тот, не расслышав ее замечания, не вернулся назад.

— Не всякое лыко в строку, тетенька, — делая серьезное лицо, вступился Митинька, методически прихлебывая чай из стакана. — До того ли ему? Слышали сами, мать у него умерла...

— Это не мешает, однако, вежливым быть, — не унималась Лукерья Демьяновна, и вдруг, заметя вертевшегося у самовара Лешу, неожиданно обрушилась на него.

— Ты чего здесь толчешься? А? Обвариться хочешь? Вот постой ты у меня! — И увесистый шлепок заключил эту короткую, но внушительную тираду.

— Оби-за-а-ют! — неистово завопил Леша, раздражаясь пронзительным плачем.

— Ну, слава те, господи, давно рева не слышали, начинается! — морщась, как от боли, проронил Митинька.

— Утренний концерт — и то на безделье дело, а главное, даром, — вставил Киря.